

книга издается. Но бытие меня уже не интересует. Вернее, я связывал его с истиной, знанием, сущностью, сознанием и прочими премудростями, а русский язык связал все эти вещи не с бытием, а с общиной, с общим, с артелью, с миром. А где же бытие? Оно там, где быт. Совместное бытие и есть быт. Со-бытие оказалось не со-бытием, а тишиной быта. В быте теперь мне важна избыточность относительно повседневности. Но это тема другой книги.

Хочу напомнить читателю, что первые три параграфа второй главы написаны мной вместе с Т.В.Костылевой.

Глава I. Экология. Вариации на современную тему

В течение последних 20 лет экология из слова-термина превратилась в слово-идол сознания, обеспокоенного (или делающего вид, что оно обеспокоено) зависимостью существования человека от сущности мировой цивилизации. В это тревожное время громко появилась и тихо умерла не одна глобальная модель мирового развития, все то, что удалось найти самопроизвольными движениями ума. "Ощупью во тьме" - так оценивают первое десятилетие глобального моделирования Д.Медоуз, И.Брукман и Рихардсон¹. Тьма не рассеялась, но какие-то слова (например, "экология", "глобальное моделирование" и "выживание") стали привычными и почти священными. В них откладывался высокий смысл и упаковывалась видимость понимания сущности насущных проблем. Видимость можно приготовить заранее (до понимания) тиражированием определенных слов. Средствами массовой информации этот "темный" продукт был выставлен на всеобщее обозрение. Экология как тема сознания стала доступной каждому и каждый при желании мог пребывать около мысли и высказывать о мире любое: от экологии болотной кочки до экологии города и культуры. Околомыслием производились (как в нашей стране, так и за рубежом) статьи и монографии любопытных словесных конструкций. В них зарождалась потребность в новых словах и воспроизводилась привязанность к старым мыслям. Неразличенность понимания и

¹ *Meadows D., Richardson J., Bruckman I. Groping in the dark. The first decade of global modelling. Chichester etc.: Willy, 1982.*

видимости понимания разрушала условия того, чтобы мы вообще могли что-либо понимать. Под знаком "экологии" возникла и осуществляется усилиями многих людей новая задача: знать, не понимая, т.е. строить знание вне зависимости от того, понимаем ли мы знаемое или не понимаем.

Конечно, каждый человек попадает время от времени в такое состояние души, в котором ему нужны не мысли, а слова. Случается и не такое. Были бы слова, а мысли появятся. Однако слова, которые налипли вокруг экологии, заставляют усомниться в том, что мысли еще появляются и люди еще могут быть на уровне умом создаваемых вещей. Многоглаголание об одном и том же (даже если оно разбавлено экологической любовью к тому, что будет после нас) не дает, видимо, никаких гарантий углублению понимания феномена экологии. Мы можем просто не успеть что-либо понять. Помешает антропологическая катастрофа, относительно которой человек продвинулся довольно далеко, называя это движение "цивилизационным сдвигом".

Обращение к философии как "технике" разрешения экологических сомнений предполагает, что философией извлекаются из нашего бытия и обозреваются предметы, которые иным образом извлечь и рассмотреть нельзя. Эти предметы "беспредметны", т.е. они существуют, если люди к ним относятся как к чему-то действительно существующему. Если они и позволяют человеку обнаружить себя, то потому, что у людей могут быть глаза души, а не только телесное зрение. Возникающие при этом предметы всегда одни и те же. Но показывают они себя в разных масках (каждой маске свое время) и в неожиданных местах. Эта разность имеет решающий характер для понимания связей человека и экологии.

Экология, к сожалению, всего лишь одна, но своевременная маска ускользающего бытия. Такие маски не столько скрывают то, что за ними (за ними нет спря-

танного бытия), сколько раскрывают то, что перед ними. Экология приоткрывает нам структуру забвения бытия, которую мы не можем не понять, если подумаем, и которой не можем не ужаснуться, если земля еще не ушла у нас из-под ног. Ужасаясь и понимания, мы хотим, чтобы бытие ускользало, не ускользнув. Однако для этого нам нужно поймать не трансцендентную сущность экологии, а вот то, что пониманием этой сущности вытаскивается из мира наших действий и смотрит на нас как объективная реальность. Вызывает опасение не природа-Золушка, не возможный перцептивный (нам неизвестный) мир лягушки. Страшна не экология как маска забытого бытия. Настораживает человек, узнающий в этой маске самого себя. Для того, чтобы цивилизационный сдвиг закончился антропологической катастрофой, нужно было всего лишь предположить, что бытие исчерпывается знанием о бытии.

Философствуя на свой страх и риск, мы только и можем справиться с пониманием того, что понятия - не "светлица", а, как говорил Флоренский, "тюрьма природы". Экология коренится в человеческом бытии. *Явлением* этой стороны *выявляется* сущность экологии, а также состояние ума, ведущее нас к технологическому разладу с природой, от которой мы получаем сегодня вести Эриний - богинь раздора.

1. Экологический кошмар

Возникновение экологических проблем свидетельствует о разрыве между сущностью и существованием человека в условиях, когда он, по словам Вернадского, превратился в решающую "геологическую силу" на Земле. В самом деле, в настоящее время созданы такие производительные силы, которые позволяют человеку извлекать из недр Земли, перемещать и перерабатывать миллиарды тонн руды, нефти, угля и т.д., запасы кото-

рых невозобновимы и находятся сегодня на грани исчерпания. Например, человечество сжигает в настоящее время около 3 млрд. тонн нефти в год. Если ситуация не изменится (а сама она не изменится), то от этого сырья ничего не останется через 40 лет. Цивилизованному человеку изменить эту ситуацию не так уже и легко, ибо 80% всех технологических процессов, станков и машин обеспечиваются энергией, получаемой за счет сжигания нефти, газа, угля. Развитие ядерной энергетики не только может обеспечить человечество практически неисчерпаемым источником энергии, но и решить проблему перевозки топлива из района его добычи в район потребления. Конечно, для ядерной энергетики требуется меньше вагонов, чем для тепловых станций, но на ее пути вырисовывается силуэт Чернобыля.

Далее, в процессе производства ежегодно выбрасываются в атмосферу сотни миллионов тонн загрязняющих ее веществ, среди них в основном окиси углерода, серы, азоты, а также углеводороды. Создаются горы шлаков и золы. В целом на Земле ежегодное количество отходов жизнедеятельности человека составляет в настоящее время более 600 млн. тонн. Технические потребности заставляют человека извлекать из атмосферы и сжигать такое количество кислорода, которое могло бы обеспечить жизнь 48 млрд. человек. Между тем запасы воздуха у человечества не бесконечны, хотя они и выражаются огромной величиной - 5 тыс. тр. тонн. За один год человек вдыхает около 9 т. воздуха. Еще 12 млрд. тонн человечество использует, сжигая различные виды топлива. Легковой автомобиль поглощает ежегодно более 4 т. кислорода, а в мире уже сегодня более 350 млн. автомашин. Между тем сокращение зеленого покрова Земли, дающего 50% кислорода атмосферы, загрязнение вод Мирового океана, угнетающее фитопланктон, вырабатывающего другую половину атмосферного кислорода, могут привести человека к кислородному голоданию.

Почвенный покров Земли загрязняется твердыми, жидкими и газообразными отходами. Постепенно уменьшается площадь пахотной земли на одного жителя планеты. В настоящее время на каждого человека приходится 0,38 га пашни. Население Земли увеличивается на 70-80 млн. человек в год. Площадь земель, непригодных для сельскохозяйственного использования, вырастает на 21 млн. га в год. Обостряются проблемы устойчивого обеспечения населения продовольствием.

Человечество испытывает недостаток пресной воды, огромные количества которой оно тратит на промышленные нужды. Весь речной сток в России равен 4700 км^3 , а на нужды народного хозяйства изымается более 320 км^3 пресной воды. Суммарное потребление воды во всем мире составляет около 5000 млрд. м^3 в год, т.е. 15% всего речного стока. Для производства одной тонны полимерных материалов требуется от 3 до 5 тыс. тонн пресной воды; для работы одной атомной электростанции мощностью 1 млн. квт - 3 км^3 , т.е. в два раза больше, чем для ТЭЦ той же мощности.

В последнее время изучаются возможные последствия изменения генофонда живых организмов, нарушение биосферных связей. Особую тревогу вызывает процесс накопления в окружающей среде и в организме человека вредных для его здоровья химических соединений. Так, резко увеличилось содержание железа и таких высокотоксичных элементов, как свинец, кадмий, ртуть. Ежегодно около 7 тыс. т. ртути попадает в отходы и загрязняет природу. С целью повышения продуктивности сельского хозяйства применяются различные ядохимикаты: фунгициды для борьбы с микроорганизмами, гербициды для борьбы с сорняками, инсектициды - с насекомыми, феромоны - с грызунами. Применение ядохимикатов позволяет увеличить урожайность сельскохозяйственных культур в 1,5-2 раза. Но остатки пестицидов, токсичные элементы аккумулируются в зеленых частях и плодах растений, в почве, смы-

ваются в водоемы. В конечном итоге они попадают в организм человека.

В свое время переход от собирательства к земледелию повысил производительность труда в 400-600 раз. Охота уступила место скотоводству и производительность труда человека увеличилась в 20 раз. В древнем Шумере для обработки одного гектара требовалось 40-50 рабочих дней, но урожай мог прокормить 3 семьи. Согласно данным, приведенным В.Р.Кабо, коренным австралийцам нужно трудиться 4-5 часов в день, чтобы обеспечить себя пищей, отвечающей стандартам, установленным национальным исследовательским советом США, а племени бушмен-кунт - 2,5 дня в неделю².

Земледелие вплоть до промышленной революции XVIII в. было производительнее ремесленного труда. В земледелии раньше всего начинает применяться система машин.

Переход от ремесленничества с его цеховой организацией к фабрично-заводским структурам сопровождался дальнейшим замещением сил человека силами природы уже не в земледелии, а в промышленности и завершился резким цивилизационным сдвигом. Если в течение нескольких тысячелетий источником расширения свободного времени общества была сельскохозяйственная деятельность людей, то в XVIII в. им становится промышленный труд. Научный базис промышленности составила механика, а ее технологическую основу - система механических машин и орудий. Революционный переворот в промышленности характеризовался резким повышением производительности труда в обществе. В течение нескольких десятилетий в промышленности она увеличилась в 27 раз и была значительно выше по сравнению с земледелием. Если в 1770 г. производительность технических устройств превышала

² Кабо В.Р. Первобытное общество и природа // Общество и природа. М., 1983; Кабо В.Р. Тасманийцы и тасманийская проблема. М., 1975.

производительность ручного труда в 4 раза, то в 1840 г. - в 108 раз³. При современной технологии один человек, занятый в сельском хозяйстве, обеспечивает 60-70 человек.

К середине XX столетия после почти 200-летнего совершенствования механической технологии, развития химических и субатомных методов обработки материала обозначились предельные возможности самой машинной цивилизации. Ни автоматизация производства, ни использование ЭВМ не довели революционное изменение в производительных силах до изменения технологического принципа воздействия орудий труда на предмет: он остался прежним, по-преимуществу механическим, имеющим свои критические параметры, которые преодолеть невозможно. Например, скорость механической обработки деталей из стали не превышает 300-700 оборотов шпинделя в минуту, для цветных металлов - 2500 оборотов в минуту.

При этом расходы энергии и сырья растут темпами, намного превышающими темпы роста производительности труда. "Замена лошади трактором и комбайном, примитивного навоза - минеральными удобрениями, появление пестицидов - все это приводит к тому, что количество энергии, затрачиваемой человеком на производство тонны пшеницы, увеличилось за эти сто лет тоже почти в сто раз. И так во всем"⁴. Урожайность же зерновых увеличилась за эти сто лет в три раза.

Сложившийся технологический способ использования природных ресурсов разрушает связи биосферы, т.е. разрушает условия того, чтобы на Земле воспроизводилась вообще какая-нибудь цивилизация. Человек превратил в пустыню 7% территории всей поверхности суши, снизил общую биомассу планеты, которая в це-

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 125.

⁴ Моисеев Н.Н. Человек, общество, среда. М., 1982. С. 218.

лом сейчас на 1/3 меньше, чем в доисторическое время. Растет энергоемкость производства. Затраты энергии на единицу продукции выросли за последние сто лет в 4 раза. Например, в США для того, чтобы получить один стакан молока, сжигается полстакана дизельного топлива.

Иными словами, структура современной машинной цивилизации не сбалансирована с естественными циклами биосферы. От этой несбалансированности не спасут и замкнутые циклы промышленного производства, построенные на принципах механической технологии. Если удвоение количества отходов происходит каждые 12-15 лет, то замкнутые технологии, по замечанию Н.Н.Моисеева, позволят увеличить этот период до 20-25 лет, что с глобальной точки зрения несущественно.

Падение темпов роста производительности труда, снижение рентабельности механических технологий, ускорение морального износа производственного оборудования, колоссальные расходы сырья и энергии в традиционных технологических процессах, при которых конечный продукт составляет не более 2% от общей массы природного вещества, вовлекаемого в производство, экологический кризис - все это, вместе взятое, указывает, с одной стороны, на власть техники, а с другой - на экологический кошмар.

Приравнивание результатов технологического действия человека к действию природных сил изменило практическое и теоретическое отношение человека к природе. В практическом отношении природа выступает как "полезная вещь", как потребительная стоимость, которая ничего не стоит; в теоретическом - как объект познания. Природа предоставляет ресурсы, а человек их потребляет. Природа - поставщик, человек - заказчик. Во второй половине XX в. связи поставщика и заказчика достигли критических параметров. Масштабы потребления традиционных источников сырья настолько выросли, что стали соизмеримыми с их общими запасами

в земной коре. Темпы роста народонаселения показали ограниченность естественной базы для производства продовольствия. Загрязнение окружающей среды дестабилизирует связность природных комплексов. Все это свидетельствует о том, что существование современного цивилизованного человека основывается на таком отношении человека к природе, когда самоценность природы становится избыточной величиной. Ускользание самоценного отношения к природе из сферы человеческого существования сопровождается наращиванием интеллектуальных средств научного и инженерного творчества, для которого природа не ценность, а объект; не организм, а "логическая конструкция", пластичный материал для воплощения научно-технических идей. Как самоценность природа не дает ни одной тонны угля, ни одного киловатта электроэнергии. Ее нельзя выразить в терминах "поставок" и потребления.

Природа как ценность ничего не дает для технологии господства общества над природой. Для того, чтобы изменять природу, человеку не нужно воспринимать ее как органическое целое, не нужно, чтобы потребность в естественной среде обитания была условием его существования. Существовать можно и в искусственной среде, по логике так называемых связей цивилизации, в зависимости от ее качеств и структур. Но если произошел разрыв между сущностью и существованием цивилизованного человека, то необходимо исследовать условия, при которых он имеет место. Сущность человека, так же как и природы, самоценна, и поэтому в силу своей самоценности она тоже оказывается излишней для цивилизованного существования человека в обществе, ибо сам он существует в обществе по преимуществу как товар. Аналогично, если произошел разрыв между человеком и природой, то необходимо проанализировать те условия, которые его породили.

С тех пор, как погибли динозавры, биосфера не знала катастроф, соизмеримых с тем, что приготовили